

ИТАЛИАНСКІЙ ПОЭТЬ-ПЕССИМИСТЪ.

Вл. Штейнъ, Графъ Джіакомо Леопарди и его теорія *infelicità*.
С.-Петербургъ. 1891. VIII + 286 стр.

Пессимистическія воззрѣнія, въ началѣ этого вѣка, проводилъ италіанскій поэтъ графъ Джіакомо Леопарди. Личность его у насъ мало извѣстна ¹⁾, на западѣ же о немъ существуетъ довольно обширная литература ²⁾. Въ вышеназванномъ трудѣ, составляющемъ продолженіе работъ автора въ области изученія пессимизма, сообщаются біографическія свѣдѣнія о Джіакомо Леопарди, излагается его пессимистическая теорія (*theoria infelicità*) и, наконецъ, представлена краткая оцѣнка его литературной дѣятельности.

Біографія Джіакомо Леопарди написана преимущественно на основаніи его писемъ къ роднымъ, друзьямъ и знакомымъ, т. е. такого источника, въ которомъ со всею ясностію выступаетъ предъ нами внутренній міръ изображаемаго писателя. Но кромѣ этого главнаго источника авторъ внимательно воспользовался матеріалами для біографіи Дж. Леопарди, собранными Оларомъ, Піерчили, Тоблеромъ и др., а такъ равно хорошо изучилъ важнѣйшую, существующую по его предмету, западную литературу. Въ результатѣ получился очень интересный, хотя, по недостатку матеріаловъ, далеко не вездѣ одинаково полный очеркъ жизни и дѣятельности одного

¹⁾ Нѣкоторыя свѣдѣнія о гр. Джіакомо Леопарди можно найти въ сочиненіяхъ: *Каро*, Пессимизмъ въ XIX в., и *Мокіевскій*, Цѣнность жизни.

²⁾ Литература эта подробно указана въ сочиненіи Cappelletti: *Bibliographia Leopardiana*. Parma. 1882.

изъ популярнѣйшихъ итальянскихъ поэтовъ-мыслителей. Предъ нами со всею живостію возстаетъ страдальческій образъ несчастнаго Джакомо. Семейный родительскій деспотизмъ, постоянная нужда въ матеріальныхъ средствахъ, слабое, хилое, все болѣе и болѣе разрушающееся здоровье, не позволяющее ему самостоятельно обезпечить свое существованіе литературнымъ трудомъ—вотъ съ чѣмъ приходится неизмѣнно вести борьбу итальянскому поэту. Съ своею родиною,—глухимъ заброшеннымъ городкомъ Реканати, въ провинціи Мачерата, лежащей близъ Адриатики, на склонахъ Апенниновъ,—этою, по его выраженію, „тюрмою“, „тартаромъ“, онъ не можетъ помириться, такъ какъ душа его ищетъ большаго простора для своей умственной дѣятельности. Но вслѣдствіе нужды въ матеріальныхъ средствахъ и слабости здоровья Леонарди ведетъ скитальческую жизнь: онъ „ищетъ счастья“ и въ Римѣ, и въ Болоньѣ, и во Флоренціи, и въ Пизѣ, и часто по необходимости долженъ возвращаться въ „непроглядную ночь“ Реканати. Два раза Дж. Леонарди, при содѣйствіи сочувствовавшихъ ему друзей, предлагалась профессура, именно въ берлинскомъ и пармскомъ университетѣ, но въ одномъ случаѣ онъ уклонился отъ предложенія изъ боязни суроваго берлинскаго климата, разрушительнаго для его здоровья, а въ другомъ—потому, что кафедра по естественнѣйшему совершенно не соотвѣтствовала его знаніямъ. Жизнь итальянскаго поэта-мыслителя пошла бы совершенно иначе, если бы онъ согласился на неоднократныя убѣжденія своего отца принять духовное званіе, ибо пацское правительство начала XIX в. всѣ сколько нибудь значительныя должности въ своихъ владѣніяхъ замѣщало духовными лицами. Но Джакомо Леонарди не могъ склониться на таковой шагъ въ силу своихъ отрицательныхъ возрѣній, сложившихся въ немъ довольно рано¹⁾. Какъ бы въ награду за испытанныя страданія, судьба послала

¹⁾ Эти возрѣнія, по живымъ Ливса, и были главною причиною, почему родители Джакомо Леонарди, при своихъ сравнительно, очень достаточныхъ средствахъ, отказывали ему въ необходимой матеріальной поддержкѣ.

несчастному поэту на закатѣ его короткой жизни вкусить успокоительныя минуты. Молодой ученый Антонио Раньери и его сестра даютъ поэту возможность жить въ такой обстановкѣ, какая до сихъ поръ ему была неизвѣстна. Двѣ молодые жизни, по выраженію Монье, „годами расходуются, лишь бы какъ-нибудь протянуть третью жизнь, которую остервененно гложутъ два смертельныхъ недуга,—то попеременно, то сразу вмѣстѣ“. На рукахъ Антонио Раньери и его сестры Паолины нашъ поэтъ и спокойно умираетъ 14 Іюля, 1837 г. Наибольше подробно авторъ изображаетъ пребываніе Джіакомо Леопарди въ Римѣ и Болоньѣ (1822—1827). На это время главнымъ образомъ падаетъ литературная дѣятельность нашего писателя, ибо здоровье еще позволяло ему тогда, хотя и съ большими усилиями, работать. Джіакомо Леопарди въ одно время и поэтъ, и философъ—моралистъ, и знаменитый филологъ. Слабый, хилый отъ природы, 16-ти-лѣтній юноша Джіакомо, самоучкою, настолько превосходно изучилъ классиковъ, пользуясь богатою бібліотекою своего отца графа Мональдо, что собираетъ матеріалы для критическаго греко-латинскаго изданія „Жизнеописанія Плотина“ Порфирія, „переводитъ Гезихія Милетскаго, комментируетъ тексты, составляетъ біографіи риторовъ II в. христіанской эры..., не останавливается предъ изученіемъ даже такихъ тяжеловѣсныхъ и энциклопедическихъ писателей, какъ Юлій Африканъ“, а затѣмъ переводитъ стихотворнымъ размѣромъ *Morgetum* Вергилія, *Идилліи* Мосха и *Одиссею* Гомера. Филологическія его работы, обратившія на себя вниманіе выдающихся ученыхъ, въ послѣдствіи учащаются: въ Римѣ онъ пишетъ „Критическія замѣтки о трехъ рѣчахъ Филона Александрійскаго“, „Филологическое разсужденіе о Платоновой „*De Republica*“ и „Критическія и филологическія замѣчанія въ хроникѣ Евсевія“, а во время пребыванія въ Болоньѣ помѣщаетъ въ миланскомъ журналѣ *Nuovo Ricoglitore* „Переводъ въ стихахъ сатиры Овидіа на женщинъ“, „Переводъ отрывка изъ Ксенофонта“, подготов-

летъ „Собраніе мелкихъ сочиненій греческихъ авторовъ по морали“, коментуєть произведенія Петрарки, переводить „Основанія стоицизма“ Эпиктета. И въ томе время Джакомо Леопарди является творцемъ такихъ произведеній, какъ философско-поэтическія *Opere in prosa*, *Santi* и другія подобныя. Собственно, только въ этихъ произведеніяхъ выражается истинный духъ и направленіе Леопарди, филологическія же работы онъ часто предпринималъ по заказу для обезпеченія себя матеріально. Самъ онъ свою гордость полагалъ не въ учено-филологическихъ работахъ, а въ свободномъ творчествѣ, гдѣ открытъ полный просторъ живой фантазіи и обнаруженію лирическаго чувства.

Не безъ вліянія личныхъ субъективныхъ страданій сложилась у Леопарди его пессимистическая теорія, которую авторъ затѣмъ кратко излагаетъ,—по большей части буквально выдержками изъ сочиненій разсматриваемаго писателя. Сущность этой теоріи такова. Всякое существованіе, какъ частное, такъ и взятое въ совокупности, есть зло, страданіе. Всѣ вещи суетны, ничтожны и единственная истинная реальность—это смерть, къ которой неутомимо поспѣшаютъ всѣ существа. „Зачѣмъ—спрашиваетъ Леопарди—гораютъ всѣ небесныя свѣтила? Къ чему служатъ безконечныя воздушныя пространства и неизмѣримая глубина небесъ? И самъ я—что я такое? Размышляя надъ этимъ, я все же для необъятной вселенной, для безчисленныхъ ея обитателей, для дѣятельности и движенія небесныхъ тѣлъ и земныхъ организмовъ, неустанно вращающихся и возвращающихся къ своей исходной точкѣ, не могу подыскать ни цѣли, ни пользы“... Никакихъ сущностей (*enti*), сверхъестественныхъ дѣятелей, признаваемыхъ многими, на самомъ дѣлѣ не существуетъ. Есть только вѣчная, неуничтожимая матерія, какъ начало пассивное, и присутствующая ей сила, или, вѣрнѣе, нѣсколько силъ, какъ начало активное. Волна и безпрестанно измѣняя матерію, сила творитъ разнообразныя существа и затѣмъ ихъ уничтожаетъ, со-

зидаю изъ входившей въ нихъ матеріи новыя существа. Природа, неумолимый рокъ,—это божество Леопарди, обращается съ произведенными ею существами, какъ злѣйшая мачиха: она ихъ бьетъ и гнететъ, терзаетъ и мучитъ, и въ этихъ ея дѣйствіяхъ нельзя открыть никакого смысла и цѣли. Стремленіе къ счастью, составляющее коренное свойство человѣческой природы и единственно привязывающее человѣка къ жизни, рѣшительно недостижимо; нѣтъ даже такого частнаго блага, которое могло бы доставить человѣку относительное самоудовлетвореніе. Единственное спасеніе отъ бѣдственности и страданій представляется въ добровольномъ отреченіи отъ жизни чрезъ самоубійство; въ возможности во всякое время разстаться съ жизнью человѣкъ находитъ лучшее утѣшеніе и подкрѣпленіе среди тяготѣющихъ надъ нимъ несчастій. Примыкая въ этомъ пунктѣ своей теоріи къ стоикамъ, Леопарди повторяетъ также ихъ ученіе, когда высшею житейскою мудростію считаетъ покорность судьбѣ, спокойствіе, отреченіе отъ всякаго стремленія къ счастью и отъ возможности избѣгнуть несчастія. Указанный раньше разумный выходъ изъ жизни путемъ самоубійства закрываетъ, впрочемъ, человѣку „размышленіе“. Людямъ вообще далеко лучше жилось бы, если бы, по ихъ же собственной настоятельной просьбѣ, Зевсъ не послалъ на землю „истину“, которая со всею ясностію раскрыла бѣдственность человѣческаго существованія и уничтожила тѣ прекрасныя драгоценныя иллюзіи, каковы добродѣтель, слава, патріотизмъ, которыми человечество жило въ младенческую свою пору. Всѣ блага, доставляемая современной цивилизаціею, призрачны и ничтожны, и едвали мыслимо измѣненіе коренныхъ условій соціальной жизни человечества, пока себялюбивое стремленіе къ личному счастью и довольству будетъ являться исключительнымъ мотивомъ нашихъ дѣйствій. Всегда въ этомъ случаѣ—говоритъ Леопарди—„истинная доблесть будетъ преслѣдуема ненавистью, клеветою и завистью; сильные будутъ пожирать

слабыхъ; немущіе будутъ льстивыми рабами богачей; великодушный человѣческій родъ, нисколько не стѣсняясь, будетъ обгагрять руки въ драгоценной крови своихъ братьевъ... Нахальная дерзость, ложь, посредственность будутъ царить побѣдоносно; всякій, заручившійся силою или властію, будетъ ими злоупотреблять, не взирая ни на какія формы правленія (стр. 228. 229)“.

Въ послѣдней главѣ своего труда г. Штейнъ дѣлаетъ нѣкоторыя замѣчанія относительно творчества Леопарди. Прежде всего онъ отмѣчаетъ сходство и различіе между Шопенгауеромъ и Леопарди. Нѣмецкій философъ и италіанскій поэтъ—мыслитель одинаково считаютъ зло явленіемъ общемировымъ: объективное, безличное зло проникаетъ всѣ ступени бытія, и нѣтъ существа, котораго оно не затрогивало бы. Но тогда какъ Шопенгауеръ утверждаетъ свой пессимизмъ на метафизической основѣ, Леопарди просто констатируетъ только фактъ всеобщаго зла въ мірѣ, не пускаясь при этомъ въ трансцендентальныя разсужденія¹⁾. Различіе между обоими мыслителями видно и въ изложеніи ими своего ученія: стиль Леопарди сухъ, холоденъ, вполне серіозенъ, Шопенгауеръ же, по выраженію Де-Санктиса, „неудержимо краснорѣчивъ, богатъ, цвѣтистъ, живъ... онъ забавляетъ, тѣшится самъ“.—Если теперь поставить вопросъ, можно ли ученіе Джакомо Леопарди признать философскимъ, то на этотъ вопросъ нужно дать утвердительный отвѣтъ. Г. Штейнъ не соглашается съ тѣми изслѣдователями (Де-Санктисъ, Буше-

¹⁾ Однако самъ авторъ на стран. 251 говоритъ: „Абсолютъ или вещь въ себѣ, которую Шопенгауеръ именуетъ „волею“, а Леопарди „слово“, присущей матеріи,—составляетъ необъяснимое, безучастное къ явленіямъ, происходящимъ во времени и пространствѣ, недоступное познанію, таинственное ничто и противопологаемое всему сущему, которое, распадаясь по смерти на элементы матеріи, обращается въ ничто“. Значитъ, теорія Леопарди не чужда метафизическаго базиса; отвергая бытіе сущностей, самъ Леопарди признаетъ существованіе нѣкоторой непознаваемой „вещи въ себѣ“ ...

Леклеркъ, Оларъ, Плюммахеръ), которые ставятъ въ вину Леопарди отсутствіе у него умозрительной способности, незаконченность, бездоказательность и субъективность его ученія. Пессимистическая теорія графа Дж. Леопарди, правда, не есть результатъ метафизической дедукціи, но это объясняется недовѣріемъ италіанскаго писателя ко всякой метафизикѣ, а такъ равно тѣмъ, что его ученіе составляетъ нѣкоторымъ образомъ протестъ противъ господствовавшего въ то время въ Италіи туманнаго идеализма; незаконченность ученія Леопарди вполне понятна, если взять во вниманіе его раннюю смерть, не позволившую ему вообще завершить свои литературные замыслы; бездоказательность пзвѣстнаго ученія не утверждается еще тѣмъ, что писатель не любитъ прибѣгать въ цитатамъ и указывать тѣ конкретные случаи, на которыхъ онъ построаетъ свои обобщенія; что касается, наконецъ, субъективности ученія Дж. Леопарди, то самъ онъ говоритъ, что хотя его *Opere tte morali* отражаютъ индивидуальную меланхолю, но „жалобы его, какъ общія всѣмъ, повторитъ каждое человѣческое сердце“.

Книга г. Штейна, вообще говоря, является полезною въ нашей литературѣ и отъ начала до конца читается съ живымъ интересомъ. При относительной полнотѣ своего содержанія, она написана хорошимъ языкомъ, а выдержки изъ произведеній италіанскаго поэта—пессимиста, которыми она такъ обилуетъ, переведены безукоризненно и даже во многихъ мѣстахъ изящно:

Д. Бодашевскій.